

Стихи:

Август

Небо бездонное. Облако белое
Словно по морю плывёт.
Ласточки кружатся резвые, смелые -
Лёгкок касаток полёт.

Терпко запахла поспевшие яблоки,
Осень таится в саду.
В клёнах звенят колокольчики-зяблики,
Вторя на вишне дрозду.

Осени всюду отчётливой линии,
Ласков в предчувствии день.
Только цветущие мальвы и лилии
Летнюю спрятали тень.

Белые узоры
В синих небесах.
Сизые просторы
Тают на глазах.

Тянется дорога
В дальние луга.
По краям у лога
Свежие стога.

Пахнет мёдом липа
В стороне лесной.
Коростель до хрипа
Накликает зной.

Вышли полубоком
Избы у реки.
Смотрят строгим оком
Следом старики.

Шепчутся старушки,
Шали тебе.
У лесной опушки
Встречу я тебя.

Весна

Растаял снег, вода ушла,
Но даль полей еще уныла.
Кострами пахнет из села,
И тишина вокруг застыла.

В лазурной ясной чистоте
Невинно солнышко пригрело.
И стая птиц на высоте
Кричит отрывисто и смело.

В сухой траве межа и луг,
Чернеет лес, и над землёю
Весенний свежий чистый дух
Витает тонкою струёю.

Грачи со старых тополей
Кричат надсадно и дерутся
И низко стаей меж аллей
В поля порывисто несутся.

Проснулась ранняя пчела -
Жужжит и греется на солнце,
Ползёт, взлетая от стекла
И снова бьется об оконце.

Метелью солнечной пыльца -
На иве толстые серёжки.
Стоишь и смотришь у крыльца
На жёлтый мех её одежды.

Детишки стайкою в овраг
За мать-и-мачехой несутся,
Присев, сорвут и каждый шаг
О чём-то спорят и смеются.

На дне журчит весёлый ключ,
Стеклом расплавленным сверкая,
И растворённый солнца луч

Дрожит мозаикой у края...

Весь день брожу один в весёлом перелеске
Весь день брожу один в весёлом перелеске,
Мелькает по стволам и рвётся солнца луч,
Но снова в небесах он прячется меж туч;
Мгновение - и лес горит в алмазном блеске.

Свежо, недавний дождь в траве оставил лужи,
Грибницей пахнет дёрн и старую листвою.
Змеится колея всё дальше, дальше, уже,
Сливается в хлебах, с дорогой полевой.

Я радуюсь в душе изменчивой погоде.
Кричат вокруг дрозды, спит ящерка на пне.
Я счастлив, что я здесь - давно живёт во мне
Любовь к лесам, полям, обманчивой свободе.

В лесу у ручья

Погас весёлый день. В лесу темно и тихо.
На веточках осин ещё дрожат листы.
Семейка рыжих сонь карабкается лихо
И прыгает легко в терновые кусты.

В валежнике сычи, охотясь на мышовок,
Кричат истошно в ночь... Взлетает козодой.
Возня и тонкий свист у нор лесных полёвок.
Чуть слышный звон ручья. И ивы над водой.

Игривые гольцы охотятся за мошкой
И прыгают за ней до кончиков ветвей,
А брызги от прыжков светящимся горошком
Сбегают по листьям и капают в ручей.
В полях перепела: отчётливо и нежно
Доносятся из ржи далёкий переклик.
На небе Млечный путь, рассыпанный небрежно;
Неполная луна, в воде её двойник.

О, как чудесная ночь! И свежестью прохладной
Бодрит моё лицо. Огонь едва горит.
И кажется в тиши, что с нежностью отрадной
Здесь каждый лист листу о счастье говорит.

В пустыне

Горбатый саксаул, отлогий спуск бархана.
У корня из норы в чешуйках виден нос.
И медленно наверх он, вылезая, рос.
И вот уже плечо, спина видна варана.
Песчаный крокодил, чуть обомлевший, сонный,
Не сводит жёлтых глаз, как пламечко — язык.
Весенняя жара — он от неё отвык,
Ползёт на солнцепёк, пластом прилёт, огромный.

Всю зиму спал в норе в холодном онеменьи.
Дорвался до тепла... Ладонь когтистых лап

Песок горячий жёг — он благостно ослаб...
О, как чудесен мир! Весна! Синицы пенье!

Цветущий астрагал с эфедры ароматом.
Пустыни редкий дар — нежнейший аромат!
Песчанки — как одна — повылезли на скат.
Я замер и сижу, любуясь этим скатом.

Стригут ростки, жуют, сидят на задних лапах,
Зажавши стебелёк меж лапок, как в руках.
Недвижно спит варан, но всё же сеет страх.
Песчанки смотрят вниз на спящего сатрапа...

В сопках

Скалистая тайга. Вдоль просеки лесной
Знакомый длинный след, размеренный и редкий.
И вдруг совсем исчез... В кустах перед сосной
Остинки на снегу и сломанные ветки.

Змеёю замерла лощёная харза,
На шубке серебром колючий, тонкий иней.
Затихла на суку, лишь светятся глаза.
Я спрятался — слежу за хищницей-богиней.

Вчера у сопки след ютился на снегу,
Петлял и пропадал по пихтам у распадка.
Куница у тропы следила кабаргу,
И, мускусом пьяна, за нею шла украдкой.

Сегодня же к реке, где горькая лоза,
Уходит оленёк по узеньким порожкам.

В засаде наверху голодная харза
Готовится напасть, пружинится, как кошка.

Я выстрелил, и вмиг срывается олень,
Уходит вбок и вверх по скользкому граниту.
Куница по стволам мелькает, словно тень.
Над сопкой тонкий серп выходит на орбиту.

В храме солнца - белой роще
В храме солнца - белой роще,
В жёлтом саване и пыли -
Лета высохшие мощи
До зимы глухой застыли.

Ветры в пашне студят ноги,
Провода всю ночь гудели.
Низким избам у дороги
Снятся гиблые метели.

Не до звона, не до лоска,
В тёмных латах время суток.
Осень горбится в обносках
И спешит на первопуток.

Гриф

Огромный гриф присел на толстый скользкий камень

Струясь, шумит вода в ручье между камней,

Нещадно солнце жжёт, в воде играет пламя,

И лысой головой он тянется в ручей.

Холодная струя — взъерошился и фыркнул.

Хватает жадно в клюв и брызжет под крыло.

Вот спрыгнул с валуна, зашёл по брюхо, цыкнул,

Увидевши себя в зеркальное стекло.

Откинулся на хвост, вздымает брызг фонтаны,

Выходит из ручья, качаясь на ногах,

И смотрит, как спешат за рыбой пеликаны.

Обсушится и скроется в горах....

Дождик плачет

Сегодня дождик моросит.

На небе наволочь сплошная.

И воробьёв задорных стая

На вишнях бойко голосит.

А под лабазом старый пёс

То дремлет, дёргаясь, вздыхая,

То заскулит, дрожа, зевая,

И слышен лязг зубов и чёс.

Вдали промокший старый конь

Пасётся и трясёт уздою,
Замучен тягостной ездой –
Хомут не снят, висит супонь.

Дремотный дождик окладной!
Он мягкой поступью ступая,
Природу ласково купая,
Несёт и отдых, и покой.

Есть вечера, безмолвной негой полны,
Когда в тиши отчётлив каждый звук,
Когда зари румянящейся волны -
Бесценный дар из благодатных рук.

Они подчас, как лёгкие виденья,
Являют нам волшебный, нежный Лик.
И всё хранит печать благословенья,
И вечностью наполнен каждый миг.

Есть звонкая пора, когда в зените лето
И гулкая гроза грохочет вдалеке.
Теплом наполнен день, и в бликах ярких света
Зеркальная вода искрится на реке.

В лугах, лесах трава прохладна и душиста,
От новобрачных лип медовый кроткий дух.
Степной весёлый хор витает голосисто,

А ветер с тополей в поля уносит пух.

Люблю я летний день: прохладу, жар, ненастье,
И пенье звонких птиц, и дымку над рекой.
Душа моя полна — в ней то земное счастье,
Что в дар приносят мне свобода и покой.

Закрыв на час поля густой завесой,
Спустился дождь сплошною полосой.
Но снова солнце светится над лесом,
Блестит трава янтарною росой.

В лучах лоснятся чистые пшеницы,
И лёгкий пар задумчиво скользит.
В берёзах нежно шепчутся косицы,
В них ветерок таинственно сквозит.

Грачиный молодняк галдящей стаей
Срывается со старых тополей
И, вдоль дороги низко пролетая,
Чернеется на зелени полей.

Запахла мёдом кашка луговая,
Отчётливей слышны перепела.
Вот ящерка зелёная, зевая,
Пластом, на солнце греючись, легла.

Степное освежённое дыханье
И яркий блеск алмазных, крупных слёз.
Вдали порой внезапное блистанье
Ушедших, но волнующихся гроз.

Залитый солнцем старый двор.
Осенний день — чудесный, яркий.
Опавших листьев пряный сор,
И синий свод небесной арки.

А в деревенской тишине -
В саду, оврагах, огороде -
Увидеть можно, как во сне
Оцепенело всё в природе.

Чуть веет запахом костра,
И тёплый ветер на прощанье
Кружит листочки у двора,
И словно музыка — шуршанье.

Засохший тополь обронил
На землю ветку у дороги...
Мне каждый день осенний мил:
В нём бездна грусти и тревоги.

Заснула степь и сонно млеет
Заснула степь и сонно млеет,

А в бирюзовых небесах,
Как дымка, облачко белеет
И тонет в звонких голосах.

Над голой пашней лёгкой тенью
Оно скользит как бы во сне.
И жизнь подвластная мгновенью
Лишь улыбается весне.

Лица осени

Леса притихли, в небе просинь,
В полях безмолвие, покой.
Зарёй холодной встала осень
И пахнет прелою листвою.

Кружатся стаяй низко птицы.
Прощай, прощай, река, гора!
Люблю я осени все лица.
Идёт волшебная пора.

Лес, словно светится багрянцем:
Листва осин, подол берёз.
Сверкая этим новым гляncем,
Нам будто видится из грёз.

Мессамбрия

Посвящается древнему городу

в Болгарии — Несебру,

ранее Мессамбри

Вдалеке Балкан упругий кряж,

Синевой пропитанное море.

И в ночной прохладе древний пляж,

И луна фракийская в просторе.

И, касаясь бережно воды,

Всей душой, что в прошлое проникла,

Слушаю дорийские лады,

Вижу флот могучего Перикла...

Я всегда паломничать мечтал

И вхожу в Мессамбрию в надежде...

Вижу стены, гавань, низкий вал

И ромея* в складчатой одежде.

Сколько горя, соли и тепла

Ты хранишь в своей заветной чаше -

Прикоснусь и чувствую: была

Ты ещё загадочней... и краше.

МЕТЕЛЬ

Ночью бьётся в стены злая

Беспокойная метель.

Гулко воя, звонко лая,
Тащит двери из петель.

Окна пылью заметая,
Отрывает шифер крыш.
Разбежится и, взлетая,
Воет жалобно из ниш.

Хлещет веткой по сараю,
Рыщет змейкой у ворот,
А потом с межи по краю
Заметает огород...

Мне вовек не покинуть деревни,
И вовек её не разлюбить -
Самый первый, таинственный, древний
Мир, который не смог позабыть.

Льёт луна на обочину горе
Лай собак и мычанье коров...
С глупой жизнью в бессмысленном споре,
Возвращаюсь в обыденный кров.

И привычно подолгу у печки,
Задремав у немого огня,
Слышу говор таинственной речки
И девчонки, что манит меня.

На носу золотые веснушки,
синий отсвет задумчивых глаз.
И не важно, что скажут старушки,
Обсуждая на улице нас.

Не забыть мне луга, и покосы,
И прохладную зелень лесов,
Где кусали нас пчёлы и осы
И гудели на сто голосов...

Мне снится гул безудержной воды
Мне снится гул безудержной воды,
Свинцовые, нахмуренные лужи.
И на горе унылые сады,
Раздетые от холода и стужи.

Спешат, спешат по небу облака,
За ними вслед застигнутые птицы.
И далеко им видны свысока
Забывших сёл немые вереницы.

Уносит стая зыбкую черту.
Остановлюсь и... слышу за спиною,
Бряцает меч по битому щиту
В потоке войск, спешащих стороною.

И слышу зов... И чудится вдали

Мне поле брани с жаркими огнями.

И вороны, сидящие в пыли,
И реющие жадно над полями...

И я молюсь за чистые луга
За тихий дым, сползающий в низины.
За ширь полей зажатую в стога,
За рябь реки укрытую в лозины.

Кричу во сне... И чувствую тогда
До боли мне знакомое рыданье.
И снова снится гулкая вода
И берегов родное очертанье.

Мороз

Тонкая берёзка
Зябнет на лугу.
Лёгкая причёска
Тенью на снегу.

Белые косицы
Искрами горят.
Жёлтые синицы
Сели и звенят.

А мороз без слова
Горестно вздохнул.
И берёзке снова

Весь наряд вернул.

Не люблю осенней ночи:
Темень в окна бьёт огнями,
Тают в стёклах волчьи очи,
Прячут злобу за плетнями.

Пар над чашкою дымится,
Полусон в тепле уюта.
Осень — тощая волчица -
За стеною воеет люто.

И добычей омертвелой
Тени яблонь поредели.
Переярок — ветер смелый -
Ветви треплет неумело.

Рвёт на части шкуру сада,
Свора звёзд исходит лаем,
И остатки листопада
Ветер прячет за сараем.

Не дождусь зимы и стужи.
На охоту вьюга мчится,
Жадно воду пьёт из лужи
Осень — сытая волчица.

Не помню сон, но что-то снилось мне.
Очнулся, встал, слегка откинул шторы:
 Мерцает небо звёздное в окне,
И лунный блеск ложится на просторы.

 Метели нет, белеет чистый снег,
Дрожит при тусклом свете и искрится,
 Змеится вихрь, но замедляет бег,
И лёгкий след по полю фосфорится.

Ночь во дворе

Ночное дыхание... Возится жук
 В сети паутин у худого навеса.
И звонко сломался надтреснутый сук
 У края нависшего хмурого леса.

Мерцая, горит мутным светом фонарь.
Зарницы пожаром в ночи полыхают.
И клен, как монах, прочитает тропарь,
Молитву прошепчет, и звуки растают.

 И снова в тиши налетит ветерок,
Листвой поиграет, и где-то на крыше
Оторванный ветром кленовый листок,
 Шурша по железу, уносится выше.

И слышно с варка* по мычанью коров,
Что ходит пастух и тревожится стадо.

И вновь в тишине перезвон комаров.
И пахнет хлебами. И веет прохлада.

Овсянка

Одна строфа — вся песенка овсянки,
Но в ней приход весны и летний зной.
С оплечьем жёлтеньким среди полянки
Она звенит меж зелени лесной.

Слышна зарёй, и днём, и на закате
Её строфа — дар скромного певца.
В лесной глуши, в полях, овражном скате
«Зинь-зинь-зинь-зи» несётся без конца.

Осеннее

Нежной позолотой -
Чащи и леса.
Лёгкою дремотой
Полны небеса.

Всё поля пустые
В дымке паутин.
Красками густыми -
Кисточки рябин.

Вон и птичья стая -
Тучей над горой.

Где-то звуки лая
Слышны мне порой.

И опять молчанье,
Только лишь вдали
Грустно на прощанье
Стонут журавли.

Очевидец

*Посвящается храму Покрова
в г. Переяславле Залесском,
где крестили Александра Невского*

Лоснились от пота косматые крупы коней,
На площади топот: холопа тащили за ворот.
У храма толпились, и стон из открытых дверей
Собою заполнил весь этот захваченный город.

Стреляли монголы, и луки звенели, а дым
Над крышами вился, и громко кричал воевода.
Княгине, и князю, и отпрыскам их молодым
Главы отсекали при полном смятенье народа.

И. площадь очистив, они гарцевали, а храм
Стоял, златоверхий, и колокол бился натужно,
И люди внутри всё тесней прижимались к углам.
И пламени змеи из хвороста вырвались дружно.

Широкое облако едкого дыма в окно,
В другое и третье уже не спеша проникало,
И смрадом нещадным по храму повисло оно,
И видели люди огня ядовитого жало.

«Спасибо!» - кричали и ждали, что грянет с небес
На всех святотатцев великая грозная кара,
И кто-то невидимый в храме мелькнул и исчез.
И... всё исчезает в дыму и угаре пожара.

...Как прежде, дымятся печурки по нищим дворам,
И ветром колышутся старые тусклые ивы,
Но в листьях багровых обрушится призрачный храм,
И в кронах осенних взовьются косматые гривы.

Полдень

Брожу один холмистою равниной,
В зените лето, запах пряных трав.
Слоится облако волнистою периной,
Вдали горят венцы церковных глав.

Кругом хлеба, чернеется дорога,
Застелена по краю муравой.
Отлогий спуск, обрыв песчаный лога.
Внизу ручей — ракиты над водой.

Царит густая, жадная прохлада,
А в сочной зелени крапивы у воды

Поёт назойливо пронзительно цикада.
И всюду крупные глубокие следы.

С утра табун здесь гнали и поили.
Осины сонно свечками стоят,
Лесные голуби на сучьях гнёзда свили.
И слышен зов щемящий голубят.

Мозаикой вода на солнце блещет
Вот косячком у дна плывут гольцы,
И каждый плавничок в воде трепещет -
Охотятся голодные ловцы.

Невнятный шум и звон короткий всплеска -
Нырнула выдра. Мощною волной
Разорвалась поверхностная фреска
И ярче солнца пышет над водой.

А хищница змеиным, чёрным телом
Скользнула у коряги меж камней.
Движением, отточенным и смелым,
Вспугнула стайку, носится за ней.

Поймала рыбку — ярким белым боком
Голец сверкнул у хищницы в зубах,
И выдра убегает резким скоком
К своей норе в высоких лопухах.

Вдали табун — заливчатое ржанье -
На водопой вернули пастухи.
Кнутов бесперебойное щелканье,
И гулкие сливаются шаги.

Я уйду из лога. над равниной
Сияет облако янтарною каймой.
И чётче зов любви перепелиной,
И ярче солнце блещет надо мной.

Поле глухо, небо хмуро,
По оврагам слой тумана,
Туча изморось понуро
Рассыпает из кармана.

По низинам в каше вязкой
Спят нахмуренные сёла,
Вечер с алой опояской
Смотрит в поле, невесёлый.

Уплывает осень в лодке
По степи широкой к югу,
Снится сёлам в околотке,
Что зима несёт им вьюгу.

Пропадаю от грусти и лени...

А.А. Фет

Пропадаю от грусти и лени.
Может быть, это вовсе не лень.
Это гроздь душистой сирени.
Обожаю весною сирень!

А грустить одинокому надо,
Как грустит отцветающий сад.
Потому и кружится над садом
Из цветов поутру снегопад.

Пустеет даль. Торжественнее сосны,
Кристалльней и прохладней каждый день,
И паутина, словно снег наносный,
Ложится по овражью деревень.

По жнивьям — дым, и пряностью осенней
Повеяло от пустоши полей.
Грачиный грай в кружении смятенней
Над пологом пестреющих аллей.

Над лесом слышны глухо, отдалённо
Отрывистые крики птичьих стай.
А меж кустов мелькает изумлённо
Чуть полинявший юркий горноста́й.

И, словно в пелеринке из лазури,
Искрится нежной дрожью березняк.

И, первый мрачный вестник зимней бури,
Парит по небу северный зимняк.

Пустой, холодный, тёмный зал.
А между пальмой и диваном
Холодный ветер пол низал,
И мальчик млел под одеялом.

Пугали тени, пол скрипел,
Спина немела и болела.
На тюфяке не спал — смотрел
В окно открытое несмело.

Луна светила. на полу
Косые тени. на диване
Светился бархат, а в углу -
Вода, забытая в стакане.

За ней на грифельной доске
Рисунок, выполненный мелом.
Малыш дрожал в немой тоске
Больным, худым, прозрачным телом.

Давно ли мама на руках
Его качала и носила,
И сколько нежности в словах
Ему безропотно дарила!

Чужая женщина в дому,
В своей холодной жуткой мести
К покойной маме, лишь ему
Слова чеканила из жести.

Он днём один в своём углу
Читает шёпотом, рисует,
Ладонью подперев скулу,
За часом час — и день минует.

Но вот заснул забытый сын,
И сон тревожный, неглубокий.
Во сне виденье духом злым
Над ним, как стражник одинокий...

Сквозь пыль тяжёлых штор и нити паутинок
Вливается в окно весенний яркий свет,
Ложится на полу мозаикой картинок.
Заметнее в пыли ботинок давний след.

Объятый тишиной, таинственен и мрачен
Мой милый старый дом! Забыт на много лет...
В застывшей тишине печально лишь охвачен,
И, как неожиданный гость, внутри апрельский свет.

Сквозь чёрные сучья убогих раки

Смотрю я на поле, на холм за рекою.

В них сумрак заката уныло разлит
И бездна печали, прощанья, покоя.

Люблю наблюдать угасающий день:
В нём что-то от смерти — тревожит и манит,
И грустные окна пустых деревень:
В них всё одиночеством, горечью ранит.

Сквозят в лазури дымкой облака
Сквозят в лазури дымкой облака,
И полая вода шумит по склонам.
Как вена, вздулась, тужится река,
И шалый ветер носится по кронам.

Запахло талой свежестью коры,
На солнце лёд темнеет и слезится.
Вдали дымятся рыхлые бугры,
И лёгкий пар над полем серебрится.

Еще белеет снежная гряда,
А лужицы на солнце пламенеют;
Вода в лучах, как жидкая слюда,
В ней тени крон извилисто синеют.

Забавная веселая пора
Звенит с карниза в солнечной капели.
На улице смеётся детвора,

На окнах в доме стёкла запотели.

Грачиный грай по-летнему весь день,

Тепло, но лёгкий ветер студит руки.

И благостно-пленительная лень

Весною в каждом запахе и звуке.

Скопа

Вверху белеет небо лёгким паром.

Внизу река и узкая тропа.

Парит, охотясь, зоркая скопа.

В осоке - гнездо корявым шаром.

Скопа сложила крылья, заскользила.

Бросок, фонтаны брызг, и под водой,

Охваченная жидкою слюдой,

Как стрелы когти в рыбину вонзила.

И тяжело поднимаясь над простором,

Неся в гнездо добытую еду,

Она летит вся четко на виду.

И я слежу за нею жадным взором.

Кривою саблей тень за нею мчится,

Играет рябь, очерчивая круг.

А сердце, сердце радостно стучится

И замирает вдруг.

Тебе высылаю я спешно вот эти страницы
И в них написал, что забуду тебя навсегда.
И пусть исчезают, как вдаль улетевшие птицы,
Мои улетевшие стаей куда-то года.

Я их не заметил: в них не было милой улыбки,
И ты не согрела их юным, любимым теплом...
О, как наши дни коротки и тревожны, и зыбки.
И как же мы грустно, напрасно и долго живём.

Я вижу в окне, как согнулись тяжёлые липы,
Как месяц восходит, и охрой осыпан закат.
И слышу я осени хмурой знакомые всхлипы
И как, умирая, всё возится сгорбленный сад...

Но нет — не пошлю я тебе никакие страницы:
Их, чистые, вновь для тебя наметают снега...
И пусть для других возвращаются смелые птицы,
И чудная юность вольётся в твои берега.

Тихий вечер бледно-красен,
Спят темнеющие нивы,
Спит набухший соком ясень,
И грустны тревожно ивы.

Отгорев в лучах заката,

Вечер тает. Но не спится...

Плеск воды у переката
Нежно в сумраке струится.

Тишина... Тишина на полях,
Лишь сухая полынь шелестит
На некошенных летом краях,
Где-то лошадь подковой звенит.

И летит далеко-далеко
Её цокот о гравий дорог.
На душе и светло, и легко
От мелодии скачущих ног.

У берега на камешке босая и с вальком
Девчоночка-красавица мне глянулась мельком.
Полощется, и звонницей удары от валька,
И глазки у красавицы — два синих василька.

На стане гибком, тоненьком на солнечном свету
Я разглядел блестящую из солнышка фату.
Девчонка улыбается, любуясь на малька,
О, как в воде пугается он хлопанья валька!

Угрешский монастырь
Осенняя листва и монастырский купол -
Всё отражается на зеркале воды.

И некуда идти, и тёплый ветер скупю
Ерошит волосы, как сохлые цветы.

Редает небосвод, пустеет даль седая,
И снова впереди аллея и скамья...
И хорошо сидеть, подолгу наблюдая,
Как лебедей плывёт счастливая семья.

Уплывает осень в лодке
Поле глухо, небо хмуро,
По оврагам слой тумана,
Туча изморось понуро
Рассыпает из кармана.

По низинам, в каше вязкой,
Спят нахмуренные сёла,
Вечер с алой опояской
Смотрит в поле невесёлый.

Уплывает осень в лодке
По степи широкой к югу,
Снится сёлам в околотке,
Что зима несёт им вьюгу.

Утро на реке
Зарево холодное,
И трава в росе.
Выпь мычит болотная

На речной косе.

А коса вся в тальнике,
Всюду непролазь.
Искрою в запальнике
Звёздочка зажглась.

Ярче, одинокая,
В предрассветной мгле.
Небо синеокое,
Тихо на селе...

Утреннее марево
Солнце запекло.
Догорело зарево -
Разлилось тепло.

* * *

Широкий табурет у тёплой батареи.
На нём свернулся кот и, вздрагивая, спит.
И, верно, снятся сны: он, носик лапкой грея,
То дёргает хвостом, то жалобно хрипит.

А за окном пурга, и воеет злобно ветер.
И, кажется, в степи уж вторит волчий вой.
Скрипят полы в сенях уставших ветел.
И мерный ход часов, и приглушённый бой.

Уютна в доме ночь, когда зима в разгаре,
Когда метель, мороз и вздох кошачьих снов,
Дрова, роняя стон, трещат в печном угаре,
И преданный мечтам, лелеешь тихий кров.

Варок – загон для скота
Ромей — житель Византии

Возвращение домой

Поэма

1

Возвращение

Метель — хоть выколи глаза —

Рукой цепляется за ворот.

Смотрю в окно: там образа

Невольно шурятся на холод.

Стучусь!.. Узорное стекло

В ответ мне кашлянуло глухо.

По самый пояс намело,

Согнулась верба, как старуха.

Ужели дом меня родной

Совсем не помнят, не встречает?

Возня, чиханье за стеной,

Идёт старик, его качает.

Восьмой десяток разменял.
Кивнул мне радостно и кротко,
Махнул в окно, где я стоял...
До жути скверная погодка!

На свет спешу в дверной проём
Вперегонки с голодной кошкой.

И вот за чаем мы вдвоём -
То он, то я бряцаем ложкой

Плита, как раскалённый шар,
Но из двери подуло в спину,
Мой дом и немощен, и стар,
Углы качают паутину.

Всё то же, как ми с давних пор -
Сижу, невольно поперхнувшись.

Отец нехитрый разговор
Завёл, чему-то улыбнувшись.

«Не помню на своём веку
Таких снегов. И мне не в радость -
Без сил валяюсь на боку
И проклиная эту старость.

Переживаю: каждый год

Становится всё хуже, хуже.
Сегодня будет недород,
И этот снег совсем не нужен.

Ты сам-то как!? А то ведь я
Уже ничем помочь не в силах.
Нам, старым, проще говоря,
Давно пора лежать в могилах...»

Отец замолк. А за окном
Металась верба, как живая.
И долго-долго перед сном
Стучался ветер, завывая.

2

У окна

Метель прошла, сияет день.
Люблю покой родного крова.
По самый нос увяз плетень,
В хлеву мычит, зовёт корова.

Я вру: теперь не до коров -
Уж два десятка лет иль дольше,
Как при нашествии врагов,
Во всей деревне нет их больше.

Берёзка стряхивает сон.

Присела бойких птичек стая...

Давно заваленный загон -
Печать заброшенного края.

Да и зачем теперь в селе
Труды и прежние заботы?
Здесь только бабушки, и те
Лишь судят пенсии и льготы.

И, верно, я всего лишь гость:
Здесь образ жизни старый, древний.
Соседский пёс слюнявит злость —
Собачий вой по всей деревне...

3

У могилы матери

Большое кладбище. Кресты
Стоят нестройными рядами.
И снега мёртвые холсты
Лишь утолщаются с годами...

Я был мальчонкою. Играть
Забавно было и приятно,
Не знал, не чувствовал, что мать
Слегла на жёсткую кровать,
И ей не встать уже обратно.

В двенадцать лет я повзрослел,

Стал недоверчивей и строже,
А по ночам ревел, ревел,
И детства сон был уничтожен.

Не сон, не блажь и не обман,
А соком вышедшие слёзы,
Что по весне текут из ран
У захлебнувшейся берёзы.

Ничто нельзя перечеркнуть,
Вот потому и, улетая,
Как будто в совь последний путь,
Зовёт кого-то птичья стая...

4

Разговор первый

«Ну что скучаешь?!» - мой отец
Решил со мной разговаривать.
И чувствую: меж двух сердец
Тепло знакомое струится.

«Недавно умер наш сосед,
А был он трезв и чуял силу,
Теперь в деревне даже нет
Кого позвать копать могилу...

А что там в городе? Людей,
Наверно, стало очень много?!..
А я вот стал ещё седей

И за тебя прошу у Бога...»

«Отец, отец... Всегда один -
Одежду времени летаешь.
Среди дремучих паутин...
Ты телевизор хоть включаешь?!»

«Я этот ящик не смотрю,
Там всё одно — такая гадость.
С тобою, сын, поговорю,
И незаметней будет слабость...

Недавно мне приснился сон,
Как будто плачет кто снаружи.
Проснулся, слышу: правда, стон
Скрипела яблоня от стужи...

Заиндевело всё окно...
Мне тут ночами жутко стало:
Куда-то осенью, давно
Собака старая пропала...

Жить стали на другой манер,
Вот вынул почту не морозе,
Прочёл, что я акционер
И дали пай земли в колхозе.

А мне не что теперь земля?!

Ну, может, хоть тебе сгодится.
Давным-давно бессилён я,
Могу лишь плакать да молиться...»

Отец устал. Привычный сон
Ему оттягивает веки.
И строгий взгляд с его икон
Сказал мне всё о человеке.

5

Прогулка

Гуляю ночью далеко.
Светло как днём, и облик снежный.
Луне — парное молоко,
Морозный воздух нежный-нежный.

Летит и гукает сова...
Лети-лети, тебя я слышу.
О чём заветные слова?
Давай садись на нашу крышу!

Взъерошу память я в себе
И заскучаю, клюв нахохлив.
И тоже гукну о судьбе -
Сегодня я словоохотлив.

На стёклах рам — сплошная бязь,
А вот и вяз в парче искристой.
Поклон тебе, почтенный князь,

Пусть май тебе приснится чистый...

6

Разговор второй

«Я вижу, сын, ты не остыл,
Стихи-то ценность небольшая,
Листок исписанный забыл -
Там всё про жизнь родного края.

А прочитай-ка мне псалом,
Мальцом читал и не стыдился.
Ведь на песке ты строишь дом -
В поэты зря заторопился».

«Прости, отец, твои слова
Всегда на сердце принимаю.
Бурлит от звуков голова -
Не то что петь — сейчас залаю.

Прости за мой невинный бред -
Ты судишь так, а не иначе,
Что тридцать пять прожил я лет
И от стихов не стал богаче.

Стихи, поверь, мне — не песок.
Они совсем другого рода.
Ты сам послушал бы часок,
Тебе б открылась их природа.

Да разве я большой поэт!
Вот если бы вошёл к нам в сени,
Кого давно уж с нами нет,
Но дорог мне — Сергей Есенин!

Тогда бы ты сказал, что — да!
Вот это сердце, сильный голос,
И Русь жива, а он всегда
На нашей ниве — зрелый колос.

И знай, отец, среди людей
Про хлеб сказал он нечто боле:
Что режут в горло лебедей -
Колосья спелые на поле.

Вот и во мне уже давно
Взошёл росток и вверх стремится,
И, может быть, моё зерно
На общей жатве пригодится».

Литература:

Кобылкин, Г. Дождик плачет: стихотворение /Г. Кобылкин //Юный натуралист. – 2006. - № 8. – С. 8.

Кобылкин, Г. Лица осени: стихотворение /Г. Кобылкин //Юный натуралист. – 2006. - № 10. – С. 12.

Кобылкин, Г. Мороз: стихотворение /Г. Кобылкин //Юный натуралист. – 2006. - № 12.

Кобылкин, Г. Уплывёт осень в лодке: стихотворение /Г. Кобылкин //Юный натуралист. – 2006. - № 11. – С. 14.

Кобылкин, Г. «Широкий табурет у тёплой батареи...»: стихотворение /Г. Кобылкин //Юный натуралист. – 2006. - № 2. – С. 14.

О нём:

Дорохова, В. Ливенский поэт в окружении первых леди /В. Дорохова //Поколение. – 2005. – 20 октября. – С. 2.

Леонидова, И. Очередной диплом – очередная ступень /И. Леонидова //Ливенская газета. – 2006. – 21 апреля. – С. 4.

Рыжкин, Г. «Берегов родное очертанье» /Г. Рыжкин //Ливенская газета. - 2010. - 5 марта. - С. 8.